

Крюкова О.С.^{*1}, Раренко М.Б.^{*2}

О ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКАХ ОБРАЗА КЫСИ В РОМАНЕ Т. ТОЛСТОЙ[©]

Аннотация. Роман Т.Н. Толстой «Кысь» вызывает интерес благодаря иносказательной манере повествования, большому количеству аллюзий, в основном литературных, и множеству интерпретаций. В статье авторы обратились к возможным фольклорным и литературным источникам образа кыси, в их числе – «чудище обло» из эпиграфа к «Путешествию из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева. Между кысью и радищевским «чудищем» есть нечто общее, связанное с особен-

^{*1} **Крюкова Ольга Сергеевна** – доктор филологических наук, заведующая кафедрой словесных искусств факультета искусств МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; florin2002@yandex.ru

Kryukova Olga Sergeevna – DSc in Philology, Head of the Department of Verbal Arts at the Faculty of Fine and Performing Arts of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; florin2002@yandex.ru

^{*2} **Раренко Мария Борисовна** – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия; rarenco@rambler.ru

Rarenko Maria Borisovna – PhD in Philology, Leading Researcher at the Department of Linguistics of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; rarenco@rambler.ru

© Крюкова О.С., 2023.

ностями социального устройства, изображенными в этих произведениях.

Ключевые слова: творчество Т. Толстой; «Кысь»; постмодернистский роман; фольклор; литературная традиция; литературные истоки.

Поступила: 22.07.2023

Принята к печати: 20.08.2023

Для цитирования: Крюкова О.С., Раренко М.Б. О литературных источниках образа кыси в романе Т. Толстой // Вестник культурологии. – 2023. – № 4(107). – С. 99–111. – DOI: 10.31249/hoc/2023.04.06

Kryukova O.S., Rarenko M.B.

The literary sources of Kys' image in the novel by T. Tolstaya

Abstract. The novel “Kys” by T.N. Tolstaya arouses the readers' interest primarily due to the allegorical manner of narration, a large number of allusions, mainly literary, and, as a result, a variety of interpretations. In the article, the authors have turned to the possible folklore and literary sources of the image of *kys*, among which is the monster *oblo* mentioned in the epigraph to the “Journey from St. Petersburg to Moscow” by A.N. Radishchev. There is something in common between *kys* and Radishchev's “monster”, namely the peculiarities of the social structure depicted in these works of fiction.

Keywords: creativity of T. Tolstaya; “Kys”; postmodern novel; folklore; literary tradition; literary origins.

Received: 22.07.2023

Accepted: 20.08.2023

For quoting: Kryukova O.S., Rarenko M.B. The literary sources of Kys' image in the novel by T. Tolstaya // Bulletin of Cultural Studies. – 2023. – № 4(107). – P. 99–111. DOI: 10.31249/hoc/2023.04.06

Введение

Единственный роман Татьяны Толстой «Кысь» (2000), ставший интеллектуальным бестселлером, и сегодня, несмотря на более чем

двадцать лет, прошедших со дня его публикации, вызывает интерес не только у читателей, но и у литературоведов и литературных критиков. Сложно назвать какое-либо другое современное произведение, которое было принято читательской аудиторией сколь по-разному – от полного неприятия до восторга, – что объясняется рядом причин.

Сложный по структуре, манере повествования, роман перенасыщен литературными цитатами, аллюзиями и реминисценциями. Наличие в тексте множества прецедентных имен, в первую очередь географических названий и антропонимов, вынуждает читателя постоянно находиться в состоянии интеллектуального напряжения. Исследователи усматривают в этом произведении и комическое переосмысление «пушкинского текста» (более подробно см.: [Пономарева, 2015]), и влияние «московского текста» [Щедрина, 2007], и интертекст в заглавии, и палимпсест в художественной структуре романа [Воробьева, 2005].

Подготовленный читатель довольно легко распознает в романе множественные цитаты из произведений Пушкина, Лермонтова, Мандельштама, Блока, Тютчева, Цветаевой, Анненского, Маяковского и других, менее «узнаваемых» поэтов, которые многократно воспроизводятся на страницах романа. Структурно роман делится на главы, названные по буквам древней славянской азбуки.

Подобная «культурная перенасыщенность» в целом свойственна постмодернистской эстетике (в связи с этим можно вспомнить романы У. Эко, Дж. Фаулза и пр.), хотя определение жанра «Кыси» у исследователей, отмечающих отличие романа от классической антиутопии, вызывает известные затруднения [Иванова, 2023, с. 143].

Помимо широкого историко-литературного и культурного фона в этом произведении прослеживается также мощная мифопоэтическая и фольклорная составляющая. «...критики почти единодушны в мнении о том, что Т. Толстой удачно осуществлен эстетический эксперимент соединения жанра антиутопии с русской фольклорной и литературной сказочной традицией. Действительно, поэтический строй романа необычайно богат сказочными образами: это – метель и Мороз, и остро с теремом, и “Окаян-дерево”, и “Рыба – голубое перо”, и “Княжья Птица Паулин”», – подчеркивает Т.Н. Спиридонова [Спиридонова, 2005, с. 98]. Особый интерес, на наш взгляд, вызывает образ кыси, внесенный в название романа.

Генезис Федор-Кузьмичска

Центром мироустройства, где разворачивается действие антиутопии, является городок Федор-Кузьмичск. Лежащий на семи холмах и сменивший несколько названий, этот городок, когда-то, в незапамятные времена, именовался Москвой. Новый миропорядок здесь возник после легендарного события – Взрыва, оказавшего пагубное влияние на когда-то человеческую цивилизацию: «А кто после Взрыва родился, у тех Последствия другие, – всякие. У кого руки словно зеленой мукой обметаны, будто он в хлебеде рылся, у кого жабры; у иного гребень петушиный али еще что» [Толстая, 2009, с. 25]. Жители inferнального пространства, изображенного в романе, находятся на разных ступенях анимализации и расчеловечивания: «“прежние” – пережившие Взрыв и обретшие после него долголетие, “голубчики” – полулюди, мутанты, имеющие генетические отклонения, “перерожденцы” – нелюди» [Иванова, 2023, с. 144]. Главный герой романа – «голубчик» Бенедикт, родившийся от «прежней» матери, с университетским образованием, и «голубчика»-отца. Повествование в романе ведется от третьего лица, однако читатель видит происходящее в городке глазами Бенедикта. Таким образом, в центре внимания романа оказывается восприятие Бенедиктом окружающих его жителей городка и происходящих с ними событий, т.е. он выступает в романе «центральным сознанием» (по Г. Джеймсу).

По мнению О.В. Богдановой и Ли Цзюнь, «образ и характер Бенедикта вбирают в себя разнонаправленные векторы: наследные черты прошлых эпох (по материнской линии) и черты голубчиков (по линии отца), т.е. герой изначально задан как двусоставный, биполярный, амбивалентный, способный развиваться (с преимуществами) в том или ином направлении [Богданова, Цзюнь, 2016, с. 22].

Выжившие и родившиеся после Взрыва живут в примитивных, архаических условиях, утратив прежнюю культуру и достижения цивилизации. Их мышление архаично, а потребности примитивны. Исключением в этом смысле являются несколько уцелевших интеллигентов из «прежних». Большинство же питается мышами, грибами, травами, пользуется печами, старинной утварью, верит в сверхъестественное. Основой мироздания этого странного во всех отношениях мира высту-

пают мышцы, воспринимаемые жителями Федор-Кузьмичска как нечто само собой разумеющееся, как некоторая данность.

Оппозицией мышцы в романе выступает кысь, символизирующая животный страх жителей городка.

Кысь: кто это?

В отличие от мышей, которые водятся в Федор-Кузьмичске в великом множестве, кысь представлена в романе в единственном экземпляре. Первое упоминание о кыси приходится уже на третью страницу романа, в первой главе «Аз», при описании местоположения городка Федор-Кузьмичска и его окрестностей, как бы символизируя, что кысь – его неотъемлемый элемент: «...округ городка – поля необозримые, земли неведомые. На севере – дремучие леса, бурелом, ветви переплелись и пройти не пускают, колючие кусты за порты цепляют, сучья шапку с головы рвут. В тех лесах, старые люди сказывают, живет кысь. Сидит она на темных ветвях и кричит так дико и жалобно: кы-ысь! кы-ысь! – а видеть ее никто не может. Пойдет человек так вот в лес, а она ему на шею-то сзади: хоп! И хребтину зубами: хрусь! а когтем главную-то жилочку нащупает и перервет, и весь разум из человека и выйдет» [Толстая, 2009, с. 17].

Кысь описана как зверь очень опасный, последствия ее нападения на жителей городка предсказуемы и страшны: «Вернется такой назад, а он уж не тот, и глаза не те, и идет, не разбирая дороги, как бывает, к примеру, когда люди ходят во сне под луной, вытянувши руки, и пальцами шевелят: сами спят, а ходят... Такой сам ничего делать не может, даже оправиться не умеет: каждый раз ему заново показывай. Ну, ежели жене или там матери его жалко, она его с собой в поганый чулан водит; а ежели за ним приглядеть некому, то он, считай, не жилец: как пузырь лопнет, так он и помирает» [Толстая, 2009, с. 17].

О злодеяниях кыси ходят легенды, но что это точно за мифологический зверь [Магомедрасулова, Мазанаев, 2018], наводящий ужас на всех без исключения жителей городка, никто не знает.

Главный герой романа – Бенедикт – в этой же главе задает вопрос о кыси захожему с юга старику чеченцу, но вместо ответа получает лишь общественное осуждение: «Тут Бенедикт высунулс:

– Дедушка, а кысь видели?..

Посмотрели на него все как на дурака. Помолчали. Ничего не ответили» [Толстая, 2009, с. 23].

Однако тот факт, что никто кыси никогда не видел, – вовсе не повод полагать, что ее не существует. В главе с говорящим названием «Веди» надзиратель за огнем Никита Иваныч высказывает и вовсе, на взгляд Бенедикта, крамольные мысли о кыси: «И Никита Иваныч туда же: ничего не понимает, а говорит. Раз говорит: никакой, говорит, кыси нет, а только одно, говорит, людское невежество. Эвона как. А кто людям жилу-то рвет? Кто из шеи кровь пьет?! А?! Не знаешь, дак и молчи. Помалкивай в тряпочку» [Толстая, 2009, с. 35].

В главе «И десятиричное» кысь чудится болеющему Бенедикту, который испытывает перед ней экзистенциальный ужас: «То все было просто, ясно, счастливо, мечты всякие хорошие, а то вдруг будто кто сзади подошел да все это счастье из головы и выковырнул... Как когтем вынул...

Кысь это, вот что! Кысь в спину смотрит!!!» [Толстая, 2009, с. 99]. И далее Бенедикт в бреду видит крадущуюся, как «невидимый Котя», кысь, жаждущую его теплой крови. Однако явление кыси обернулось для Бенедикта всего лишь симптомами лихорадки. В следующей главе, «Како», Бенедикт вновь размышляет о кыси, которая в его представлениях оказывается страшнее смерти. И вновь героя охватывает ужас при мысли о том, что ожидает человека, испорченного кысью: «А должно быть, чувствуется им тоска страшная, лютая, небывалая! Мрак черным-черный, слезы ядовитые, жидкие, бегучие!» [Толстая, 2009, с. 102].

В главе «Покой» Бенедикт размышляет о своем будущем, которое ему видится в мрачных тонах. В его видениях снова возникает кысь, с ее протяжным и жутким воем: «Так завоет, будто ей недодали чего, будто нет ей жизни, нет покоя, голодом свело кишки...» [Толстая, 2009, с. 154]. Вопреки названию главы кысь беспокойна и, по мнению Бенедикта, ищет жертву. Несмотря на внешнее благополучие жизни Бенедикта после женитьбы, мысли о кыси не покидают героя. В главе «Ща» облик кыси в видениях Бенедикта становится более плотским: «Тело-то у ней длинное, гибкое, головка плоская, уши прижаты... Гнать ее!.. Сама она бледная, плотная такая, без цвету, – вот как сумерки, али как рыба, али как у кота на животе кожа, меж ног... Нет, нет!.. Нет!!!

...Под когтями-то у ней чешется, все чешется... А видеть ее нельзя, нельзя видеть-то ее...» [Толстая, 2009, с. 200–201]. Повторы в этой фразе подчеркивают душевные терзания героя, который пытается не думать о злобной inferнальной сущности, но безуспешно. И только в главе «Фита» символическая сущность кыси раскрывается тестем Бенедикта: «Кысь-то – ты» [Толстая, 2009, с. 283]. Перерождение уже произошло: наивный читатель и переписчик книг становится Санитаром, рыскающим в поисках книг и их читателей. По-видимому, кысь – это потаенный, глубинный страх, присутствующий у каждого человека где-то в подсознании и до поры до времени не дающий о себе знать.

Несмотря на то что название того страшного животного вынесено в название романа, а упоминания о нем постоянно возникают в романе, его физическая природа не раскрывается. Сакральный страх перед животным, вероятно, вызван еще и тем, что о нем мало что известно, ведь таинственную кысь никто никогда не видел (по принципу: страх возникает тогда, когда нет достаточной информации, все новое и непонятное страшит).

В этом странном мире, мире-наоборот, вызывающее панический страх животное получает название по звуку, которое оно издает (вспомним, маленькие дети так называют кошку – «мяу-мяу», собаку – «гав-гав» и пр.). Более того, в привычном нам мире многократное сочетание звуков «кысь» (варианты «кис», «кыс») используется, напротив, для привлечения внимания представителя семейства кошачьих. Вполне допустимо предположить, что описываемое Бенедиктом животное имеет отношение к кошачьим. В пользу этого предположения выступает упоминание, что у кыси есть острые когти, способность лазить по деревьям и привычка прыгать людям на плечи, у нее длинное гибкое тело (при этом сам Бенедикт в главе «Ща» сравнивает раскраску кыси с цветом кожи на животе у кота). Все эти качества роднят кысь с домашней кошкой, при этом описываемая в романе кысь явно гораздо крупнее обычной кошки.

Название животного в то же время вызывает ассоциацию со словом «крыса», представителей которой в городке нет. Фонетическая ассоциация возникает и со словом «рысь», но и рысь, как известно, представитель семейства кошачьих.

Литературные источники кыси

У невидимой поначалу и постепенно обретающей более определенный облик кыси, однако, на наш взгляд, имеются предшественники как фольклорного, так и литературного происхождения.

Одним из них, вероятно, может считаться образ фольклорного кота. В русской лингвокультуре (а шире – в славянских народных представлениях) кот / кошка описывается как домашнее животное с двойственной символикой, обладающие как положительными качествами, так и отрицательными вследствие устойчивой архаической идеи о связи этого животного одновременно и с миром людей, и с потусторонним миром, уходящей в древность. Кот / кошка предстает, с одной стороны, как воплощение нечистой силы, с другой – как покровитель домашнего очага. Кот / кошка воспринимается в то же время как оберег от злых сил и болезней и как проводник в потусторонний мир [Гура, 1999, с. 637–640].

Довольно много представителей кошачьих можно встретить в русских народных сказках, где они представлены не только с положительной стороны. В сказках «Кот, петух и лиса» [Афанасьев, 1984, с. 48–49] и «Кот да петушок» [Русские сказки Сибири ... , 1993, с. 245–248] кот выступает в роли хозяина, защитника, друга, ассоциируется с домом, домашним очагом, однако в то же время его характеристиками становятся притворство и обман, хитрость и ловкость. В сказке «Кот и лиса» [Афанасьев, 1984, с. 51–53] кот Котофей Иванович именно за пакостное поведение увезен хозяином в лес и оставлен там в мешке, где и был обнаружен Лисой. Быстро освоившись на новом месте, он создает (при помощи Лисы) образ супруга серьезного и страшного зверя, наводящего страх на обитателей леса (на самом деле кот боится сам всех).

В сказке «Медведь, собака и кошка» [Афанасьев, 1984, с. 71–72] старая кошка, от которой избавляется хозяин, – второстепенный персонаж. Выступая в роли провокатора, кошка становится причиной смерти собаки (собака погибает, пытаясь добыть кошке еду). Мотив, вероятно, связан с древним славянским поверьем, что старые кошки приносили в дом несчастье. В сказке «Котушка и лиса» [Русские сказки Сибири ... , 1993, с. 242–243] кот представлен отрицательным персонажем – он непроходимый лжец и причина несчастий всех, кто

встречается на его пути. Примечательно, что Котушка обладает способностью к саморефлексии – когда Лиса просит Котушку взять ее с собой, он отвечает: «Куда тебя, я сам себе не рад» [Русские сказки Сибири ... , 1993, с. 242–243].

Еще один представитель кошачьих из русских волшебных сказок – кот Баюн теснее всего связан с образом кыси. Кот Баюн имеет большие (!) размеры, он – людоед (!), обладающий чарующим, волшебным голосом, благодаря которому ему удается заговаривать и усыплять своими разговорами и пением незадачливых подошедших путников. Он – безжалостный убийца, своими железными когтями (!) кот поражает насмерть тех, у кого оказалось недостаточно сил противостоять его волшебству. Однако тот, кто сможет поймать кота, найдет спасение от всех болезней и недугов, поскольку сказки кота Баюна обладают целительным действием.

Другим источником литературного происхождения кыси можно назвать «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй», которого никто из живых существ не видел. Деяния этого чудища, упоминающегося в эпиграфе к роману А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790), устрашают. Радищевское упоминание о чудовище из XVIII века литературно вторично, точнее, третично, поскольку представляет собой несколько измененный стих из поэмы В.К. Тредиаковского «Телемахиде» (1766), где чудище является злым царем в аду в зеркале Истины. В этом зеркале правители видят себя более страшными, чем лернейская гидра и пес Цербер, ее стерегущий. Но радищевское чудище объединяет собой два чудища, гидру и Цербера, оно мощнее и страшнее, чем чудище, описанное у В.К. Тредиаковского, которое, в свою очередь, восходит к *monstrum horrendum* римского поэта Вергилия (70 г. до н. э. — 19 г. до н. э.).

Как справедливо полагает А.А. Костин, «...меняя “тризвенную” на “стозевно”, Радищев в первую очередь выражал идею многоликости того зла, описанию которого посвящена книга. Вряд ли можно видеть здесь указание на какое-либо конкретное чудовище, будь то Тифон, Лернейская Гидра или Молва Вергилия. Однако сам факт существования представления о подобных чудовищах и, несомненно, знакомство с ними Радищева позволяли этой замене выглядеть более правдоподобно» [Костин, 2004, с. 147].

Между кысью и радищевским «чудищем» есть нечто общее, связанное с особенностями социального устройства, изображенными в двух упомянутых, различных по жанру произведениях. Кысь символизирует собой inferнальную неуправляемую карающую силу, в которую может перевоплотиться склонный к подлости персонаж, а радищевское «чудище обло», по мнению многих исследователей, символизирует изъяды и пороки социальной системы, основанной на самодержавии и крепостничестве. «Чудище обло» никак себя не проявляет в тексте «Путешествия из Петербурга в Москву», кроме эпиграфа, но оно символически воплощается в каждого, кто допускает повседневное насилие над крепостными.

О крепостничестве в романе «Кысь» напоминает социальная организация общества, при которой существуют разнообразные холопы: «А холопов тьма-тьмушая: и мышеловные холопы, и мукомольные, и квасовары, и грибышатники, и хвощевики, и кого только нет! Есть и девки-поломойки, и пряхи, и ткачихи, а есть одна баба особая, и представлена та баба снежки катать, толчеными огнецами, как мукой обваливать и к столу подавать, и Варсонофий Силыч те снежки кушать изволит» [Толстая, 2009, с. 64].

Аллюзии на радищевское «Путешествие...» поддерживаются в романе Татьяны Толстой также связями с литературой и культурой XVIII в. Так, явно государственные должности «малого мурзы» и «Большого Мурзы» в романе вызывают ассоциации с одой Державина, адресованной Фелице, где «мурзами» именуются нерадивые вельможи. Еще одна аллюзия, связанная с Г.Р. Державиным, содержит цитату из державинского «Памятника» и появляется в речи на похоронах, которую произносит Никита Иваныч: «Памятник нерукотворный. Тверже меди, долговечней пирамид!» [Толстая, 2009, с. 129]. О Фонвизине и его знаменитой комедии «Недоросль» напоминает сравнение Бенедикта с Митрофанушкой, сделанное Никитой Иванычем, который с удивлением узнает о том, что Бенедикт не знает, кто такой Пушкин: «Прости, господи, но что ж ты за дубина великовозрастная!.. митрофанушка, недоросль, а еще Полины Михайловны сын! Впрочем, я сам виноват. Надо было тобой раньше заняться» [Толстая, 2009, с. 131]. А приказ Федора Кузьмича о праздновании Нового года (причем верховный правитель в этом указе именуется «И Академик, И Герой, и

Мореплаватель, и Плотник», как в пушкинском стихотворении о Петре) напоминает о соответствующем указе Петра Первого.

И кысь, и «чудище обло» суть порождения социальных систем, основанных на страхе и порабощении. «Сон разума», по-разному проявляющийся в этих произведениях, ничего иного породить и не может. И лишь знание, Книга, Слово могут освободить человека, скованного путами социальной системы. Не случайно в книге Радищева появляется «Слово о Ломоносове», а в романе «Кысь» остатки человеческой цивилизации связаны с книгами, содержание которых, впрочем, уже непонятно обитателям Федор-Кузьмичска.

Заключение

В заключение следует отметить, что роман Т. Толстой «Кысь» благодаря многочисленным реминисценциям по праву заслужил роль интеллектуального бестселлера. Каждое новое прочтение романа приводит к порождению новых смыслов и новых интерпретаций. В немалой степени этому способствует и образ кыси, объединивший в себе вполне узнаваемые черты фольклорного кота и литературного чудовища и призванный олицетворять в романе необъяснимый страх перед новым и незнакомым, желание получить доступ к неведомому знанию, заключенному в старых книгах, соблазн овладеть информацией и в то же время стремление огородиться ото всего и иметь возможность осуществлять контроль за ситуацией. И в этом оказываются схожи центральный мифологический образ романа «Кысь» и его главный герой Бенедикт.

Из образов литературного бестиария родственным кыси оказывается образ радищевского «чудища» из эпиграфа к «Путешествию...», который также допускает различные истолкования. Эпиграф у Радищева относится к плану Автора, а не к плану Путешественника. Кысь же в романе Т. Толстой принадлежит как плану автора, так и плану героя, который в начале произведения опасался кыси, испытывая перед ней первобытный ужас, а в конце романа именно кысью и оборачивается. А значит, социальное зло в постмодернистской реальности мимикрирует, становится еще более опасным, чем «чудище обло».

Список литературы

Афанасьев А.Н. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева : в 3 т. / под ред. Л.Г. Барага, Н.В. Новикова. – Москва : Наука, 1984. – Т. 1. – URL: <http://febweb.ru/feb/skazki/default.asp?feb/skazki/texts/af0/af1/af1r11.html> (дата обращения: 22. 08. 2022).

Богданова О.В., Ли Цзюнь. Образная система романа Т. Толстой «Кысь» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2016. – № 4(58) : в 3 ч. – Ч. 3. – С. 22–26.

Воробьева С.Ю. Палимпсест в художественной системе романа Т. Толстой «Кысь» // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 8: Литературоведение. Журналистика. – 2005. – № 5. – С. 125–131.

Гура А.В. Кошка // Славянские древности : этнолингвист. словарь / под ред. Н.И. Толстого. – Москва, 1999. – Т. 2. – С. 637–640.

Иванова А.А. «Мышь – наша опора»: к вопросу о роли фольклорного дискурса в формировании жанровой стратегии романа «Кысь» Т. Толстой // Жизнь животных в зеркальных отражениях: литература – культура – язык : коллективная монография / отв. ред. А.И. Смирнова. – Москва : Книгодел : МГПУ, 2023. – С. 143–158.

Костин А.А. «Чудище обло» и “monstrum horrendum”. Вергилий – Третиakovский – Радищев // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. – 2004. – № 3. – С. 135–147.

Магомедрасулова Ш.М., Мазанав Ш.А. Мифологические образы в романе Т. Толстой «Кысь» // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 2(69). – С. 591–593.

Пономарева О.А. Комическое переосмысление пушкинского текста в романе «Кысь» Т.Н. Толстой // Новый взгляд. Международный научный вестник. – 2015. – № 10. – С. 179–188.

Русские сказки Сибири и Дальнего Востока. Волшебные. О животных / сост. Р.П. Матвеева, Т.Г. Леонова. – Новосибирск : Наука, 1993. – 352 с.

Спиридонова Т.Н. Мифопоэтика романа Т. Толстой «Кысь» // Культура и текст. – 2005. – № 8. – С. 98–103.

Толстая Т.Н. Кысь // Толстая Т.Н. Кысь. Зверотур. Рассказы. – Москва : Эксмо, 2009. – С. 13–294.

Щедрина Н.М. Функции «московского» текста в романе Т. Толстой «Кысь» // Москва и «московский текст» в русской литературе XX века : материалы Международной научной конференции. – Москва, 2007. – С. 35–39.

References

Afanas'ev, A.N. *Narodnye russkie skazki* A.N. Afanas'eva [Folk Russian fairy tales by A.N. Afanasyev]. In Vol. 3. V. 1, ed. L.G. Baraga, N.V. Novikova. Moscow, Nauka Publ., 1984. URL: <http://febweb.ru/feb/skazki/default.asp?feb/skazki/texts/af0/af1/af1r11.html> (date of access: 22. 08. 2022). (In Russ.)

Bogdanova, O.V., Li Czjun'. Obraznaja sistema romana T. Tolstoj "Kys" [Figurative system of the novel by T. Tolstoy "Kys"]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota, no 4 (58): in 3 part, part. 3, 2016, pp. 22–26. (In Russ.)

Vorob'eva, S.Ju. Palimpsest v hudozhestvennoj sisteme romana T. Tolstoj "Kys" [Palimpsest in the artistic system of the novel "Kys" by T. Tolstoy]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 8: Literaturovedenie. Zhurnalistika*, no 5, 2005, pp. 125–131. (In Russ.)

Gura, A.V. Koshka [The Cat]. In *Slavjanskije drevnosti: jetnolingvist. slovar'*, ed. N.I. Tolstogo. Moscow, V. 2, 1999, pp. 637–640. (In Russ.)

Ivanova, A.A. "Mysh' – nasha opora": k voprosu o roli fol'klornogo diskursa v formirovanii zhanrovoj strategii romana «Kys» T. Tolstoj ["The Mouse is Our Support": On the Question of the Role of Folklore Discourse in the Formation of the Genre Strategy of the Novel "Kis" by T. Tolstoy]. In *Zhizn' zhivotnyh v zerkal'nyh otrazhenijah: literatura – kul'tura – jazyk: Kollektivnaja monografija*, responsible editor A.I. Smirnova. Moscow, Knigodel; MGPU Publ., 2023, pp. 143–158. (In Russ.)

Kostin, A.A. "Chudishhe oblo" i "monstrum horrendum". Vergilij – Trediakovskij – Radishhev ["Monster oblo" and "monstrum horrendum". Virgil – Trediakovsky – Radishchev]. In *Chtenija Otdela russkoj literatury XVIII veka*, no 3, pp. 2004, 135–147. (In Russ.)

Magomedrasulova, Sh.M., Mazanaev Sh.A. Mifologicheskie obrazy v romane T. Tolstoj "Kys" [Mythological images in the novel by T. Tolstoy "Kys"]. In *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, no 2 (69), 2018, pp. 591–593. (In Russ.)

Ponomareva, O.A. Komicheskoe pereosmyslenie pushkinskogo teksta v romane "Kys" T.N. Tolstoj [Comic rethinking of Pushkin's text in the novel "Kys" by T.N. Tolstoy]. In *Novyj vzgljad. Mezhdunarodnyj nauchnyj vestnik*. no 10, 2015, pp. 179–188. (In Russ.)

Russkie skazki Sibiri i Dal'nego Vostoka. Volshebnye. O zhivotnyh [The Russian fairy tales of Siberia and the Far East. Magic. About animals], compilers R.P. Matveeva, T.G. Leonova. Novosibirsk, Nauka Publ., 1993. 352 p. (In Russ.)

Spiridonova, T.N. Mifopojetika romana T. Tolstoj "Kys" [Mythopoetics of the novel by T. Tolstoy "Kys"]. In *Kul'tura i tekst*, no 8, 2005, pp. 98–103.

Tolstaja, T.N. Kys' [Kys]. In Tolstaja T.N. *Kys'. Zverotur. Rasskazy*. Moscow, Jeksmo Publ., 2009, pp. 13–294. (In Russ.)

Shhedrina, N.M. Funkcii "moskovskogo" teksta v romane T. Tolstoj "Kys" [Functions of the "Moscow" text in T. Tolstoy's novel "Kis"]. In *Moskva i "moskovskij tekst" v russkoj literature XX veka. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Moscow and the "Moscow text" in the Russian literature of the twentieth century. Materials of the International Scientific Conference]. Moscow, 2007, pp. 35–39. (In Russ.)